

Boriss Cilevičs

8 November 2020

Набрёл на статью Томаша Камуселлы, польского лингвиста, политолога и культуролога. Показалась интересной прежде всего с точки зрения возможных связей между языковыми факторами, политикой и международной безопасностью.

Вопросы языка сегодня в центре информационных войн, диванных лингвистов не меньше, чем специалистов по коронавирусу и выборам в США 😊. Каких только теорий превосходства одних языков над другими, “лингвистического первородства” и т.п. не встретишь в сети... Тем более поучительны работы профессионалов.

Профессор пишет об особенностях русского языка. Большинство современных “больших”, международных языков, отмечает лингвист, полицентричны – существует несколько их “официальных” вариантов, по-разному стандартизированных в тех государствах, где они широко используются и имеют признанный статус.

Так, английский имеет официальный статус (де-юре или де-факто) в 59 государствах, французский – в 29, арабский – в 27, испанский – в 20, немецкий – в 6. Русский язык является официальным (или одним из официальных) в 7 государствах (помимо России, в Беларуси и государствах Средней Азии) и, кроме того, повседневно используется значительными русскоязычными общинами в шести других (Украина, Молдова, страны Балтии и Израиль). Вдобавок русский широко используется в нескольких государствах, где практически нет русских меньшинств (государства Южного Кавказа, Монголия).

Нормативные акты Великобритании никак не регулируют использование английского языка в США, Канаде, Австралии или Танзании. Точно так же литературные нормы швейцарского, квебекского или мадагаскарского французского не определяются в Париже. Та же ситуация и с немецким или испанским. Камуселла приводит простой пример: когда устанавливаешь язык в текстовом редакторе Windows, тебе на выбор предложат десяток вариантов английского: карибский, индийский, ирландский и т.п.

А вот русский Windows предложит только один. Хотя фактически существует множество разновидностей русского языка как внутри России, так и за её пределами, эти варианты никак не стандартизированы и не кодифицированы, нормы литературного русского языка устанавливаются исключительно в Москве. Поэтому Камуселла называет русский “моноцентричным”, в отличие от остальных мировых языков, являющихся “полицентричными”.

Камуселла приводит интересные данные о количестве людей, владеющих каким-либо из “мировых” языков в качестве родного (L1) или второго языка (L2) – что подразумевает не просто владение этим языком как иностранным, а активное повседневное использование. Отношение native-speaker’ов - L1 (т.е. тех, для кого язык является родным) к общему количеству людей, постоянно говорящих на этом языке (L1+L2) автор определяет как показатель де-этнизации языка. Для португальского показатель де-этнизации – 94%, испанского – 77%, немецкого – 71%. А вот для английского и французского – 37% и 33%. Другими словами, для большинства людей, использующих английский и французский в повседневном общении, эти языки не

являются родными. (Вспомнился полузабытый термин “язык межнационального общения“)...

Для русского показатель де-этнизации – 58%. И всё же русский остаётся моноцентричным, в отличие от других мировых языков. Эту ситуацию автор объясняет историческим наследием СССР - ещё совсем недавно абсолютное большинство русскоязычных жили в одном государстве, в котором все правила, включая лингвистические, устанавливались централизованно.

В этом контексте Камуселла пишет об этнолингвистическом национализме, появившемся в Центральной Европе в 19 веке. В отличие от западноевропейской модели политической нации, в рамках этой концепции “нация“ понимается как сообщество, объединённое общим языком – что входит в явное противоречие с современным международным правом, которое интерпретирует нацию как политическую общность, совокупность граждан. Именно эта концепция неявно лежит в основе интерпретации “Русского мира“ и отличает его, например, от идеи Francophonie. (Парадоксально, но тот же подход характерен и для архаичных концепций, которые пропагандирует президент Левитс, и которые с его подачи даже нашли отражение в Сатверсме).

Аннексия Крыма и начало войны на Донбассе в 2014 году продемонстрировали взрывоопасность такого подхода - и вызвали дискуссии о возможной стандартизации “других“ русских языков, в частности, среди украинских учёных. Однако ни к каким реальным результатам не привели.

Камуселла обобщает ряд работ, в которых описаны различные варианты русского языка. Пересказывать не буду, узнал много нового. Естественно, кодификация “украинского“, “латвийского“ или “азербайджанского русского“ – вопрос как научных исследований, так и политических решений. Пока что государства, в которых русский активно используется численно значимыми русскоязычными общинами, либо игнорируют эту лингвистическую реальность, либо считают русский иностранным и ограничивают его использование. В любом случае, избегают признания “собственной“ разновидности русского как языка общения значительной части своих граждан и избегают какой-либо ответственности за его кодификацию и сохранение. Анализ Камуселлы заставляет усомниться в разумности и эффективности такой политики.

Для интересующихся – ссылка в первом комментарии.

Language	L1 + L2 speakers	L1 speakers	De-ethnicization: L1 speakers as a percentage of all (L1 + L2) speakers; the smaller the percentage, the greater the de-ethnicization
Chinese	1.09 billion	955 million	90%
English	983 million	360 million	37%
Spanish	527 million	405 million	77%
Arabic	422 million	295 million	70%
Russian	267 million	155 million	58%
Portuguese	229 million	215 million	94%
French	229 million	76 million	33%
German	129 million	92 million	71%

<https://www.facebook.com/boriss.cilevics/posts/1516560681863953>